

А. В. Крусанов

Работа над чужими ошибками

DOI: 10.53953/08696365_2022_174_2_369

О книгах В.И. Кузнецова «Тайна гибели Есенина» (М., 1998)
и «Сергей Есенин. Казнь после убийства» (СПб.; М., 2005)

Каждому, кто изучает литературу, посвященную смерти Есенина, придется так или иначе столкнуться с работами литературоведа В.И. Кузнецова и его версией событий столетней давности. Эта версия радикально отличается от всех остальных. Согласно Кузнецову, Есенин в «Англетере» не жил, воспоминания свидетелей лживы и сфальсифицированы по указанию ГПУ, акты осмотра и вскрытия тела подделаны. Книги Кузнецова в конце 1990-х — начале 2000-х гг. вызвали большой резонанс. Газета «Книжное обозрение» в 1998 г. назвала первую из них интеллектуальным бестселлером, а сам Кузнецов рассматривал свою работу как «строго документальный труд»¹.

О документальности этих книг и пойдет главным образом речь в данной статье.

Источниковедение, как вспомогательная историческая дисциплина, справедливо утверждает, что каждый исторический документ должен быть подвергнут всестороннему исследованию, чтобы адекватно понимать, с какой целью он создавался и как правильно интерпретировать информацию, в нем содержащуюся. В.И. Кузнецов, несмотря на то что окончил филологический факультет Воронежского государственного университета, эту научную дисциплину, по-видимому, не изучал или основательно ее забыл. Подобный вывод можно сделать на основании того, как он пользуется документами, а также на основании ряда утверждений в его книгах.

Согласно воспоминаниям свидетелей последних дней жизни Есенина, приехав в Ленинград, поэт остановился в «Англетере», где прожил с 24 по 27 декабря 1925 г. Однако В.И. Кузнецов утверждает противоположное. Он считает, что Есенин был арестован сотрудниками ГПУ сразу же по приезде в Ленинград 24 декабря 1925 г., содержался в тайной тюрьме ГПУ, находившейся напротив «Англетера», и был убит во время допроса. Чтобы скрыть убийство, сотрудники ГПУ инсценировали его самоубийство, перенесли тело в номер 5 «Англетера». При этом воспоминания В. Эрлиха, Г. Устинова, Е. Устиновой, Л. Бермана, П. Мансурова и других, в которых рассказывалось о проживании Есенина в «Англетере», исследователь объявил лживыми и сфабрикованными по заданию ГПУ.

Версия Кузнецова, безусловно, эффектна, поскольку включает арест, тайную тюрьму, подземный ход и т.п., однако с ее доказательной базой имеются серьезные проблемы.

Платежные ведомости с указанием лиц, останавливавшихся в гостинице в 1925 г., и книги с регистрацией прибытия и отъезда за 1925 г. в архивах Санкт-

1 Котов А. Друзья и враги Сергея Есенина [Интервью с В.И. Кузнецовым] // Минуты века. 2000. № 1. С. 3.

Петербурга отсутствуют. Поэтому утверждение, что Есенин в «Англетере» не жил, Кузнецов обосновывает ссылкой на контрольно-финансовые списки (форма № 1) постояльцев «Англетера» за 1925—1926 гг., которые дважды в год сдавались фининспектору. Таких списков по адресу «Англетера» (пр. Майорова, д. 10/24) за период 1925—1926 гг. сохранилось несколько: за период со второго полугодия 1924/25 бюджетного года по первое полугодие 1926/27 бюджетного года². Списки составлялись два раза в году: весной и осенью. В списках за 6 апреля 1925 г., 15 октября 1925 г. и 14 октября 1926 г. Есенин значиться не мог, поскольку его либо еще, либо уже не было в гостинице. Остается список, составленный 15 апреля 1926 г. Общее число лиц, проживавших в доме на эту дату, составляло 66 человек, из них были включены в список 60. Остальные, по-видимому, были дети до 18 лет, которые налоги не платили. Есенин в этом списке действительно не значится. Но если бы В.И. Кузнецов внимательно прочел инструкцию «К порядку заполнения списка», напечатанную на обороте документа, то он понял бы, что Есенин и не мог быть включен в этот список. В инструкции сказано: «Домовладельцы или домоуправления <...> составляют настоящий список всех граждан, достигших 18 лет, постоянно проживающих (хотя бы и находящихся во временной отлучке) в данном доме к 20 марта / 20 сентября»³. Согласно инструкции, Есенина не включили в список потому, что к 20 марта 1926 г. он уже почти три месяца не жил в «Англетере», поскольку был мертв и не представлял никакого интереса для фининспектора.

Вывод — контрольно-финансовый список лиц, проживавших по адресу: пр. Майорова, 10/24, за второе полугодие 1925/26 бюджетного года не может служить доказательством того, что 24—27 декабря 1925 г. Есенина не было в «Англетере».

Остается загадкой, почему Кузнецов не заинтересовался правилами составления контрольно-финансовых списков в 1925—1926 гг. и неправильно интерпретировал документ. Это могло произойти либо по невнимательности, либо из стремления подгонять факты под изначально заданную версию.

В 2018 г., уже после смерти В.И. Кузнецова, был опубликован документ, подтверждающий проживание Есенина в «Англетере»: счет за проживание в гостинице, выписанный 29 декабря 1925 г. и неизвестно кем оплаченный⁴. По свидетельству литературоведа Н.И. Шубниковой-Гусевой, оригинал этого документа на момент публикации хранился у наследников Есенина. Поскольку родственники Есенина (жена С.А. Толстая-Есенина и муж сестры В.Ф. Наседкин) 29 декабря 1925 г. приезжали в Ленинград, то, вероятно, кем-то из них (скорее всего, В.Ф. Наседкиным) и был оплачен этот счет. Без этого администрация гостиницы могла отказать выдать родственникам оставшиеся после Есенина его личные вещи.

На основании тех же контрольно-финансовых списков В.И. Кузнецов сделал вывод, что и журналист Г.Ф. Устинов также никогда не жил в «Англетере». Однако в данном случае Кузнецов допустил еще одну ошибку. Он просмотрел не все документы, касавшиеся гостиницы. Между тем сохранился длинный список должников этой гостиницы, составленный на 1 октября 1926 г., в котором под № 94 значится Г.Ф. Устинов с задолженностью 81 руб.⁵ На основании этого документа можно утверждать, что Устинов все-таки жил в «Англетере», но уехал, не заплатив за проживание.

2 ЦГА СПб. Ф. Р-1963. Оп. 180. Д. 3049. Л. 45—57; Д. 3031. Л. 239—254; Д. 3038. Л. 9—16; Д. 3049. Л. 58—64.

3 К порядку заполнения списка // ЦГА СПб. Ф. Р-1963. Оп. 180. Д. 3038. Л. 16 об.; Д. 3031. Л. 254 об.

4 Летопись жизни и творчества С.А. Есенина. М., 2018. Т. 5, кн. 2. С. 547.

5 Список дебиторов (сомнительных) по отелю гостиницы «Англетер» [на 1/X-1926] // ЦГА СПб. Ф. Р-3178. Оп. 1. Д. 666. Л. 47.

Ложный вывод, сделанный Кузнецовым на основе неправильной интерпретации архивного документа, послужил основой для другого ложного утверждения, будто все мемуары, в которых рассказывалось о проживании Есенина в «Англетере», сфальсифицированы по заданию ГПУ. Никаких других доказательств тотальной фальсификации мемуаров он не приводит. Правда, один раз он попытался поймать мемуаристов на лжи, там, где речь идет об эпизоде с ванной, якобы находившейся в пятом номере.

Е. Устинова писала: «27-го [декабря] я встретила Есенина на площадке без воротничка и без галстука, с мочалкой и с мылом в руках. Он подошел ко мне и растерянно говорит, что может взорваться ванна: там будто бы в топке много огня, а воды в колонке нет. Я сказала, что когда будет все исправлено, его позовут»⁶. О том же упоминал В. Эрлих: «Сергей, смеясь и ругаясь, рассказывал всем, что его “хотели взорвать”. Дело было так. Дворник (дядя Василий?) пошел греть ванну. Через полчаса вернулся и доложил: пожалуйста! Сергей пошел мыться. Через несколько минут прибежал с криком, что его хотели взорвать»⁸.

Из воспоминаний Эрлиха и Устиновой не следует, что ванная была в пятом номере. Наоборот, Есенин куда-то уходил с мылом и мочалкой, чтобы помыться. Сделать из этих мемуаров вывод, что ванна была в номере, можно было только при невнимательном прочтении текста. А В.И. Кузнецов пишет: «Всерьез поговорим о ванне. В 5-м, “есенинском”, номере ее не было. Лгут воспоминатели»⁹. Заявление сколь категорическое, столь и несправедливое. Исследователь возвел на мемуаристов напраслину, поскольку те и не утверждали, что ванна стояла в есенинском номере.

По описи инвентаря в гостинице «Англетер» от 15 марта 1926 г., на втором этаже (бельэтаж) ванны были только в номерах 1 и 3а¹⁰. При этом жильцы других комнат бельэтажа могли тоже пользоваться этими ваннами, поскольку проход в ванную комнату номера 1 был возможен и из коридора, а в ванную комнату номера 3а — из номеров 2, 3 и из коридора. Но судя по тому, что в инвентаризационной описи, составленной 15 марта 1926 г., вычеркнуты ванны в комнатах 1 и 3а и обе вынесены в отдельный раздел, вход в эти ванны из номеров мог быть закрыт и оставлены только входы из коридора. Кроме того, на бельэтаже в помещениях 10с и 12с были общие ваннные комнаты. В одну из таких ваннных комнат и ходил Есенин.

Предвзятое мнение о том, что все мемуары о пребывании Есенина в «Англетере» сфальсифицированы, привело Кузнецова сначала к неправильной интерпретации текста этих мемуаров, а затем к пафосному разоблачению собственной выдумки.

Но еще более некорректные методы использует Кузнецов при реконструкции биографий ряда персонажей своих книг.

Вдова бывшего управляющего гостиницей «Англетер» Антонина Львовна Назарова (1903—1995) рассказывала в 1990-е гг. журналистам и исследователям, что

6 Устинова Е. Четыре дня Сергея Александровича Есенина // Сергей Александрович Есенин. Воспоминания. М.; Л., 1926. С. 236.

7 Василий Павлович Спицын — дворник дома № 10/24 по пр. Майорова. Согласно контрольно-финансовому списку на 14 апреля 1926 г., проживал вместе с женой в номере 4 гостиницы «Англетер» (ЦГА СПб. Ф. Р-1963. Оп. 180. Д. 3038. Л. 14 об. — 15). По-видимому, эта комната располагалась на первом этаже гостиницы.

8 Эрлих В. Четыре дня // Памяти Есенина. М., 1926. С. 93—94.

9 Кузнецов В. Тайна гибели Есенина. По следам одной версии. М., 1998. С. 13.

10 Дело № 20 по инвентаризации гостиницы «Англетер» // ЦГА СПб. Ф. 3185. Оп. 1. Д. 2148.

ее муж В.М. Назаров 27 декабря 1925 г. перед уходом из гостиницы, то есть около 9 часов вечера, заходил в один из номеров к некоему Петрову. Он видел, что там на столе стояло пиво и Есенин сидел с поникшей хмельной головой¹¹. После этого В.М. Назаров ушел домой, но вскоре около 22—23 часов по телефону был срочно вызван в гостиницу, где случилось какое-то несчастье. Сама А.Л. Назарова Петрова никогда не видела и узнала о его существовании только со слов мужа.

В этом сюжете исследователя интересует, кем был упомянутый Петров. Этот эпизод стал известен только в начале 1990-х гг., как и другой эпизод: уборщица «Англетера» В.В. Васильева (работала в гостинице с 10 августа 1925 г. по 12 марта 1926 г.)¹² видела вечером 27 декабря, как пьяного, спящего или уже мертвого Есенина заносили в пятый номер¹³. По-видимому, Петров был последним, с кем общался Есенин перед смертью, и вполне естественен интерес исследователей к выяснению личности этого человека. Это попытался сделать В.И. Кузнецов.

К сожалению, нельзя назвать эту попытку удачной. Из всех многочисленных Петровых, проживавших тогда в Ленинграде, он случайным образом выбрал одного, о котором смог собрать материал, а именно Павла Петровича Петрова-Бытова (1895—1960), сотрудника политконтроля ГПУ (1923—1924), политредактора Севзапкино (1924—1925), а затем кинорежиссера. По-видимому, определяющим моментом в выборе стали сведения о службе Петрова-Бытова в ГПУ. Но их явно недостаточно для идентификации его с Петровым из «Англетера». Тем более что в ГПУ было немало других сотрудников с фамилией Петров. Например, двое из них — Петров Иван Степанович (1886 г.р., удостоверение № 25707, 1928 г.) и Петров Петр Степанович (1892 г.р., удостоверение № 25712, 1928 г.) — проживали по адресу: ул. Дзержинского, д. 5, кв. 3а¹⁴. Закономерен вопрос: почему именно Петров-Бытов, а не кто-либо из двух других упомянутых Петровых подходит на роль Петрова из «Англетера»? Кузнецов никак не объясняет свой выбор.

Дальше — больше. Кузнецов ухитрился перепутать двух Петровых: Павла Петровича Петрова-Бытова — режиссера Севзапкино и Петра Дмитриевича Петрова — инспектора ленинградского Гублита. Несовпадение имени и отчества почему-то не смутило исследователя, и он без тени сомнения отождествил этих двух людей. Между тем это два разных человека, что устанавливается при сравнении документов Ленгублита (где служил П.Д. Петров) и Севзапкино (где работал П.П. Петров-Бытов). По документам Севзапкино можно установить время длительных служебных командировок режиссера Петрова-Бытова. А по документам Ленгублита можно установить, что в это время инспектор П.Д. Петров находился на службе и подписывал различные бумаги.

Для характеристики метода работы В.И. Кузнецова приведем одну цитату из его книги: «...никакой он не Петров, а... Макаревич (впервые это установили авторы именного указателя к «Дневнику» (1991) Корнея Чуковского). Интересный фокус! Он заставил нас обратиться к истории революционного движения в городе Черикове и в Горецком уезде Могилевской губернии. Оказывается, сын судебного

11 Кузнецов В.И. Тайна гибели Есенина. С. 15—16, 168; Он же. Сергей Есенин. Казнь после убийства. М., 2005. С. 13—15, 159—160. Ср. с телепередачей В.С. Правдюка «Тайна гостиницы «Англетер»» (2007): <http://esenin.ru/o-esenine/gibel-poeta/pravdiuk-v-taina-gostinitcy-angleter> (дата обращения: 13.03.2021).

12 Личное дело Васильевой Варвары Владимировны // ЦГА СПб. Ф. Р-3185. Оп. 1. Д. 709. Л. 1.

13 Хлысталов Э. 13 уголовных дел Сергея Есенина. М., 1994. С. 79; Кузнецов В.И. Сергей Есенин. Казнь после убийства. С. 71, 81, 121—123; С. 13 вклейки.

14 Список проживающих в доме по ул. Дзержинского № 5 // ЦГА СПб. Ф. Р-1963. Оп. 180. Д. 3483. Л. 181—182.

чиновника Александр Михайлович Макаревич (П.П. Петров) рано ступил на стезю борьбы с царизмом»¹⁵.

В именном указателе, на который ссылается Кузнецов, читаем: «Петров (Макаревич) П.Д., инспектор ленинградского Гублита». В архиве Ленгублита сохранилось его личное дело. Согласно учетной карточке, хранящейся в этом деле, инспектор Ленгублита носил фамилию Макаревич-Петров, родился 22 июня 1899 г., окончил 8 классов ремесленного училища в Петрограде, был студентом, отбывал воинскую повинность с 4 июля по 25 октября 1917 г., служил в Красной армии (1 июня 1918 — 27 октября 1922), с 1918 г. работал в органах ЧК-ГПУ и военной цензуре, вступил в РКП(б) (4 марта 1919), но в декабре 1921 г. из-за конфликта с контрольной комиссией (отказ представить рекомендации) выбыл из партии, был переведен из политконтроля ПП ГПУ ПВО на должность заместителя заведующего административно-инструкторским подотделом Петроглавлита (1 декабря 1922)¹⁶ и в последующие годы работал там инспектором. Таким образом, П.Д. Макаревич-Петров не имел никакого отношения к Александру Михайловичу Макаревичу из города Черикова и Горецкого уезда Могилевской губернии. Это повторяющийся прием Кузнецова: выдавать однофамильцев за одного и того же человека.

Совершенно непонятно, почему В.И. Кузнецов вдруг решил, что П.П. Петров на самом деле является Александром Михайловичем Макаревичем? Если следовать логике, то им должен был бы оказаться П.Д. Петров, но Кузнецов, как было сказано, совершенно не различает этих людей. Между тем в справочнике «Весь Ленинград на 1928 год» можно найти информацию, что Петр Дмитриевич Петров являлся сотрудником Облита, позднее работал в ОБЛОНО (1929) и Областлите (1930) и проживал на ул. Разъезжей, 21¹⁷. В то же время Павел Петрович Петров-Бытов, согласно тому же справочнику, проживал на ул. Дзержинского, д. 7.

Метод работы Кузнецова — подтасовка: когда информация в документах подходит под его версию, он активно использует ее, а когда противоречит, то он просто обходит ее молчанием.

Логика в его построениях нет никакой. Если Есенин не жил в «Англетере», как считает Кузнецов, а был тайно арестован 24 декабря 1925 г., то как он мог пить пиво в «Англетере» с неким Петровым вечером 27 декабря? Кузнецов этого противоречия не видит. Но если бы он был последователен, то должен был бы проверить по контрольно-финансовым спискам, проживал ли в «Англетере» какой-нибудь Петров, и если не проживал, то сделать соответствующий вывод, что не только Есенин не жил в «Англетере», но и таинственного Петрова там тоже не было. За период 1925—1926 гг. в указанных списках значится только один Петров (Алексей Васильевич) — рабочий сцены театра Мейерхольда, который выехал в Москву еще до приезда Есенина в Ленинград. Других Петровых в этих списках нет. Но Кузнецов не делает вывода (в отличие от случая с Есениным), что таинственный Петров в «Англетере» не проживал. Напротив, он убежден, что именно Петров-Бытов был «режиссером кровавого спектакля» в гостинице. Но эта убежденность так и остается не подтвержденной никакими фактами.

Удивительно, что, посмотрев много материалов, связанных с Петровым-Бытовым, исследователь не заглянул в его личное дело в фонде Севзапкино, где содержатся документы, свидетельствующие, что Петров-Бытов никак не мог быть Петровым из «Англетера». Ведь по распоряжению директора кинофабрики Севзапкино от 25 сентября 1925 г. П.П. Петров-Бытов отбыл в служебную командировку в Че-

15 Кузнецов В.И. Тайна гибели Есенина. С. 171—172.

16 Личное дело П.Д. Петрова // ЦГАЛИ СПб. Ф. 31. Оп. 1. Д. 13. Л. 2.

17 Весь Ленинград на 1928 год. Л., 1928. С. 427.

боксеры для съемок фильма «Волжские бунтари»¹⁸ и вернулся в Ленинград только 6 января 1926 г.¹⁹ Так что он никак не мог пить пиво с Есениным вечером 27 декабря 1925 г. и быть «режиссером кровавого спектакля».

Тот же «документальный» метод произвольного соединения биографических данных разных людей, у которых схожи имя-отчество или фамилия, В.И. Кузнецов демонстрирует при описании личности «тети Лизы» (Е.А. Устиновой).

В мемуарах Г.Ф. Устинова и В.И. Эрлиха о ней говорится кратко. Г.Ф. Устинов называет «тетю Лизу» своей женой²⁰. В.И. Эрлих называет ее Елизаветой Алексеевной Устиновой — женой Георгия Устинова²¹. В одной из анкет (1924) Г. Устинов указал, что у него есть жена Елизавета Алексеевна, которой 26 лет²². В протоколе опроса (1925) данные жены Г. Устинова также зафиксированы: Елизавета Алексеевна Устинова, происходящая из Тверской губернии, Тверского уезда, Логиновской волости, деревня Логиново, возраст 27 лет (что соответствует 1898 г. рождения), семейное положение — замужняя²³. В графе «место службы» она написала: «Не служу». Согласно воспоминаниям Эрлиха, Е.А. Устинова исполняла роль домохозяйки: «принесла самовар», «приложила все усилия для того, чтобы Сергей чувствовал себя совсем по-домашнему», «сооружала завтрак», «заставляла его [Есенина] есть»²⁴. О той же роли сказано и в воспоминаниях самой Е.А. Устиновой: «Есенин попросил меня поесть, а потом мы с ним поехали вечером покупать продовольствие на праздничные дни», «я пошла звать Есенина завтракать»²⁵. Круг функций этой женщины целиком ограничен бытовыми заботами.

Однако у В.И. Кузнецова своя точка зрения: он считает, что под именем Елизаветы Алексеевны Устиновой скрывалась ответственный секретарь редакции «Вечерней Красной газеты» Анна Яковлевна Рубинштейн. Однако в автобиографии А.Я. Рубинштейн указывала, что родилась в 1892 г. в Ревеле и в 1925—1926 гг. работала ответственным секретарем в вечерней «Красной газете» и издательстве «Прибой»²⁶ и жила не в «Англетере», а в «Астории» (1-й Дом Советов, ул. Герцена, 39) в № 128 и работала на Фонтанке, 57²⁷. Никакого совпадения с анкетными данными Е.А. Устиновой нет. Как же В.И. Кузнецов установил, что это один и тот же человек? Доказательства его, мягко говоря, удивляют.

Кузнецов отталкивается от того, что в числе жителей «Англетера» значилась «Елиз. Алекс. Рубенштейн» — торговка москательным товаром (Садовая, 83)²⁸. Правда, отчество ее в этой записи может читаться и как Алексеевна, и как Александровна, а фамилия написана с ошибкой: Рубейштейн. Но это мелочи. Важно, что некая Елизавета Рубинштейн действительно жила в «Англетере». Вторых, найдя документы москательной лавки (Садовая, 83), В.И. Кузнецов установил, что в 1922—1928 гг. ее владелицей была Елизавета Александровна Рубин-

18 Выписка из распоряжения по кино-фабрике СЗК № 424 от 25 сентября 1925 г. // ЦГАЛИ СПб. Ф. 257. Оп. 1. Д. 574. Л. 37.

19 Выписка из распоряжения по кино-фабрике Ленинградкино № 154 от 11 января 1926 г. // Там же. Л. 45.

20 Устинов Г.Ф. Годы восхода и заката // Памяти Есенина. М., 1926. С. 87.

21 Эрлих В.И. Указ. соч. С. 90.

22 См.: Личное дело Устинова Георгия Феофановича (1924) // ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 58. Д. 74. Л. 4.

23 Протокол опроса Е.А. Устиновой // Смерть Сергея Есенина. Документы. Факты. Версии. М., 2003. С. 381.

24 Там же. С. 92—95.

25 Сергей Александрович Есенин. Воспоминания. М.; Л., 1926. С. 233, 237.

26 Автобиография // ЦГА ИПД. Ф. 1728. Оп. 1 Д. 461665-2. Л. 3.

27 ЦГА СПб. Р-1963. Оп. 180. Д. 3024. Л. 219 об. — 220.

28 Там же. Л. 293 об. — 294.

штейн²⁹, а не Алексеевна, как сообщали Устинов и Эрлих и как сама Устинова записала в протоколе опроса. Фамилия у женщин может меняться, но отчество-то должно сохраняться, даже если Е.А. Рубинштейн стала Е.А. Устиновой. Это несколькостораживает. В то же время имеются образцы почерка Е.А. Рубинштейн³⁰ и Е.А. Устиновой³¹. Почерки похожи, но все-таки на этом основании нельзя утверждать, что Е.А. Рубинштейн и Е.А. Устинова являлись одним и тем же лицом.

В гостинице «Англетер» Е.А. Рубинштейн (род. 1899) проживала только осенью 1924 г. Согласно данным, зафиксированным в списках плательщиков подоходного налога на 25 июня 1925 г., Е.А. Рубинштейн вместе с мужем Б.В. Рубинштейном проживала уже по адресу: ул. Гоголя, 18/20, кв. 104³², то есть в гостинице «Гранд-отель». В то же время, по записям в домово́й книге, до 10 апреля 1925 г. Е.А. Рубинштейн вместе с мужем проживала по адресу: ул. Комиссаровская (ныне Гороховая), д. 29, а с 10 апреля 1925 г. по 1929 г. — по адресу: Комиссаровская ул., д. 14, кв. 11³³. Род занятий Е.А. Рубинштейн в 1925—1927 гг. указан как «торговка москательным товаром», в 1927 г. — как «домохозяйка, при муже»³⁴. Таким образом, Е.А. Рубинштейн в декабре 1925 г. не проживала в «Англетере» и никак не могла играть роль жены Г.Ф. Устинова.

Однако Кузнецов непостижимым образом превращает Елизавету Александровну Рубинштейн в Анну Яковлевну — уже не торговку, а сотрудницу вечерней «Красной газеты». Как он это делает?

В одной из анкет (1933) А.Я. Рубинштейн сообщала, что ее отец Яков Григорьевич Рубинштейн был мелким торговцем, затем служил приказчиком, а потом психически заболел и умер в богадельне в 1930 г.³⁵ В более ранней анкете (2 ноября 1926) она сообщала об отце, что он инвалид и находится в богадельне³⁶. В автобиографии 1935 г. она уточняла: «В 1903 г. в связи с кризисом отец был разорен и на этой почве с ним был первый припадок душевной болезни (циклотимии). В 1904 г. он поступил на службу в тряпичный склад. Затем его болезнь повторилась и в годы от 1913 до смерти (1930 г.) он жил сначала на иждивении родных, а потом детей»³⁷. То есть отец А.Я. Рубинштейн не работал уже с 1913 г. В.И. Кузнецов, отталкиваясь от этой информации, пишет: «Привлекла наше внимание случайно попавшая на глаза бумажка, гласившая, что некий Яков Соломонович Рубинштейн торгует (1923—1928) канцелярскими и табачными изделиями по Советскому переулку,

29 *Кузнецов В.* Сергей Есенин. Казнь после убийства. С. 186—187.

30 ЦГА СПб. Ф. Р-1963. Оп. 1. Д. 691. Л. 68; ЦГА СПб. Ф. Р-1963. Оп. 180. Д. 3924. Л. 294.

31 Смерть Сергея Есенина. Документы. Факты. Версии. С. 381.

32 Список граждан, проживающих по ул. Гоголя № 18/20 на 2 полугодие 1924/25 бюджетного года // ЦГА СПб. Ф. Р-1963. Оп. 180. Д. 3027. Л. 43 об. — 44.

33 Книга записей о проживающих в доме № 24/14 по ул. Герцена за 1922—1929 гг. // ЦГА СПб. Ф. Р-7965. Оп. 1. Д. 382. Л. 59 об. — 60; Книга записей о проживающих в доме № 26/14 по ул. Герцена угол Комиссаровской (начата 15 июня 1924 г.; окончена 1/I-1925) // Там же. Д. 380. Л. 59 об. — 60; Книга записей о проживающих в доме по ул. Герцена уг. Комиссаровской (начата 1/I-1925 г.; окончена 25/II-1927) // Д. 381. Л. 59 об. — 60; Список граждан по адресу ул. Герцена угол Комиссаровской ул. № 26/14 // ЦГА СПб. Ф. Р-1963. Оп. 180. Д. 3027. Л. 422 об. — 423; Торговый патент // Там же. Оп. 1. Д. 691. Л. 41, 89, 99, 101; Список граждан по адресу угол ул. Герцена и Дзержинского № 26/14 (31/X-1927) // Там же. Д. 3057. Л. 384 об. — 385.

34 Список граждан по адресу угол ул. Герцена и Дзержинского № 26/14 (31/X-1927) // ЦГА СПб. Ф. Р-1963. Оп. 180. Д. 3057. Л. 384 об. — 385.

35 ЦГА ИПД. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 461665-3. Л. 18.

36 Анкета сотрудника Госиздата: Рубинштейн Анна Яковлевна (2 ноября 1926) // ЦГАЛИ СПб. Ф. 35. Оп. 2. Д. 1131. Л. 3.

37 *Рубинштейн А.Я.* Моя автобиография // ЦГА ИПД. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 461665-3. Л. 28.

21/28. Не отец ли “нашей” Анны Яковлевны? Похоже. Она писала, что бабушка ее занимался торговлей, но потом, увы, психически заболел и кончил свои дни в богадельне. Так и есть, указаны данные этого купца и грустного заведения, где он пребывает: поселок Шувалово (Ивановская ул., д. 6, кв. 2). Еще одно доказательство, что не Надежда Николаевна и не Елизавета Александровна, а Анна Яковлевна Рубинштейн числилась в 1924 г. в “Англетере”³⁸.

Если это «еще одно доказательство», то где же предыдущие? Предыдущие доказательства полностью отсутствуют. Это единственное и очень странное доказательство. Если Яков Григорьевич не работал с 1913 г. и в 1926 г. уже находился в богадельне, а Яков Соломонович еще торговал канцелярскими и табачными изделиями до 1928 г., то почему В.И. Кузнецов счел, что один и тот же человек? Но даже если вопреки фактам допустить, что Кузнецов прав и это один и тот же человек — психически больной отец А.Я. Рубинштейн, то каким образом из этого следует, что в «Англетере» числилась не Елизавета Александровна, а Анна Яковлевна Рубинштейн? Кузнецов произвольно отождествил друг с другом разных лиц, чтобы стройнее выглядела его концепция, а если в документах концы с концами не сходились, то он соединял их по своему произволу и делал вид, будто все сходится³⁹.

«Строгий документалист» Кузнецов также сравнивал почерк А.Я. Рубинштейн с почерком некой владелицы прачечной Анны (Анеты) Яковлевны Устиновой (1891—1939), эстонки, уроженки города Пернов, проживавшей по адресу: ул. Некрасова, д. 30, кв. 10 (в этой же трехкомнатной квартире зарегистрирован также адрес ее прачечной)⁴⁰, и пришел к выводу, что это одна и та же женщина⁴¹. Однако и здесь он произвольно совместил разных людей. Прачка А.Я. Устинова была заметным лицом в своем доме и общим собранием жильцов дома была «избрана в комиссию по проведению налогов»⁴². Кроме того, у нее был муж А.М. Устинов, проживавший по адресу: ул. Некрасова, д. 36, кв. 17, который, весной 1925 г. работая официантом, имел случайный заработок⁴³, а осенью того же года находился на иждивении жены⁴⁴. Согласно адресной книге «Весь Ленинград», прачечная А.Я. Устиновой находилась в 1923—1924 гг. по адресу: ул. Некрасова, 36, и сама А.Я. Устинова проживала там же в 1928—1939 гг. Умерла она 15 февраля 1939 г.⁴⁵

При этом А.Я. Рубинштейн с середины 1930-х гг. жила по адресу: ул. Герцена, д. 55, кв. 15⁴⁶; была арестована в апреле 1936 г. и расстреляна в ноябре 1937 г. Ничего общего в биографиях А.Я. Рубинштейн и А.Я. Устиновой нет.

38 *Кузнецов В.* Сергей Есенин. Казнь после убийства. С. 187.

39 Не менее показателен словесный фокус, проделанный Кузнецовым с адресом Я.С. Рубинштейна (Шувалово, Ивановская ул., д. 6, кв. 2). Нет никаких свидетельств, что по этому адресу находилась богадельня. В списке богаделен и приютов для инвалидов этот адрес отсутствует (см.: Три века Санкт-Петербурга. СПб., 2011. Т. 2, кн. 8. С. 663—670).

40 Список граждан, проживающих по ул. Некрасова № 30 на 1 полугодие 1924/25 бюджетного года // ЦГА СПб. Ф. Р-1963. Оп. 180. Д. 5212. Л. 101 об. — 102; Список граждан, проживающих по ул. Некрасова № 30 на 1 полугодие 1925/26 бюджетного года // Там же. Д. 5226. Л. 149 об. — 150.

41 *Кузнецов В.* Тайна гибели Есенина. С. 141—142; *Он же.* Сергей Есенин. Казнь после убийства. С. 188.

42 ЦГА СПб. Ф. Р-1963. Оп. 180. Д. 5226. Л. 144.

43 Список граждан, проживающих по ул. Некрасова № 36 на 1 полугодие 1924/25 бюджетного года // ЦГА СПб. Ф. Р-1963. Оп. 180. Д. 5212. Л. 117 об. — 118.

44 Список граждан, проживающих по ул. Некрасова № 36 на 1 полугодие 1925/26 бюджетного года // Там же. Д. 5226. Л. 169 об. — 170.

45 Домовая книга прописки граждан по адресу ул. Некрасова д. 36 (начато 1933; окончено 1946) // ЦГА СПб. Ф. Р-7965. Оп. 117. Д. 1763. Л. 150 об. — 151.

46 Анкетный лист // ЦГА ИПД. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 461655-3. Л. 19.

Но уж если Кузнецов считает, что по схожести почерка можно формировать из двух разных людей одного, то почему же он не сравнил почерк А.Я. Рубинштейн с почерком Е.А. Устиновой? Ведь именно на место последней он старался поставить эту «уголовно-политическую авантюристку», «бестию из “Красной газеты”» и «сатану в юбке», как он характеризует А.Я. Рубинштейн. Ответ на этот вопрос, видимо, состоит в том, что такое сравнение образцов почерка не давало возможности произвести задуманную подмену: почерки оказались слишком разные. Добросовестный исследователь на основании различий в годах и месте рождения, а также несходстве почерка сделал бы вывод, что А.Я. Рубинштейн и Е.А. Устинова не могут быть одним и тем же лицом. Но Кузнецов не захотел сделать этот вывод.

Для того чтобы объяснить, почему в его концепции А.Я. Рубинштейн числилась по различным адресам под разными именами, он придумал ей нелегальную конспиративную деятельность, за которую в 1936 г. она была арестована НКВД по обвинению в принадлежности к троцкистско-зиновьевской подпольной организации. Правда, Кузнецов не объяснил, почему это подполье началось в 1924 г., когда Троцкий и Зиновьев были у власти. В чем заключалась «конспиративная деятельность» прачки и торговки москательным товаром?

Исходя из представлений Кузнецова, не было ни Е.А. Рубинштейн, ни А.Я. Устиновой, ни Е.А. Устиновой, а была лишь одна А.Я. Рубинштейн в разных местах под разными именами и с разными мужьями, да еще под каждым именем, соответственно, должна была платить подоходный налог. Получается экономически очень невыгодная конспирация. Да и как можно одновременно числиться в трех разных местах и вести три разные деятельности: быть прачкой, торговкой москательным товаром и ответственным секретарем вечерней «Красной газеты» в течение нескольких лет, а затем трижды умереть в разные годы под разными именами?

Далее по уже освоенной методике Кузнецов превратил двух разных профессоров: психиатра Ивана Борисовича Галанта (1883—1978) и педагога Евгения Яковлевича Голанта (1888—1971) — в одного⁴⁷, точнее дополнил биографию И.Б. Галанта эпизодами биографии Е.Я. Голанта. Подробно останавливаться на биографиях этих людей нет смысла, любой желающий может прочитать их в «Википедии».

Все эти случаи механического соединения биографий совершенно разных людей и приписывание их одному человеку свидетельствуют уже не о случайных единичных ошибках в работе Кузнецова, а об их систематическом характере. Это его метод документального монтажа.

Немаловажную роль в построениях Кузнецова играют акт осмотра тела Есенина, составленный милиционером Н.М. Горбовым, и акт вскрытия тела судмедэкспертом А.Г. Гиляревским. Почерк, которым написан текст акта Н.М. Горбова, Кузнецов сравнивал с почерком других документов, написанных этим милиционером, сохранившихся в архивах, и заподозрил фальсификацию документа⁴⁸. Акт Гиляревского Кузнецов сравнил с другим актом этого судмедэксперта и пришел к убеждению, что Гиляревский не имел отношения к составлению акта вскрытия Есенина⁴⁹, а подписанный его фамилией акт вскрытия — фальшивка⁵⁰.

Зная методы работы Кузнецова, мы перепроверили полученные им выводы.

Выше уже упоминалось, как по сходству почерка разных людей Кузнецов делал ошибочный вывод о том, что это один и тот же человек. В случае с актом Горбова

47 Кузнецов В. Тайна гибели Есенина. С. 117.

48 Там же. С. 20—21.

49 Там же. С. 55—56.

50 Там же. С. 116.

он решал обратную задачу и при сравнении почерка, которым был написан этот документ, с эталонными образцами почерка того же милиционера заподозрил, что имеет дело с почерками разных людей. Но на том же акте также стоят подписи понятых: поэта В. Рождественского, литературоведа П. Медведева, поэта М. Фромана и поэта В. Эрлиха. Означает ли это, что подписи понятых тоже поддельные? Этот вопрос Кузнецов в главе, посвященной акту Горбова, обходит полным молчанием, но в другой главе, названной «Лжесвидетели» и посвященной биографиям этих людей, фразой «после подписания лживого милицейского протокола»⁵¹ он невольно признает подлинность их подписей. Согласно некоторым мемуарам, понятые подписали акт сразу после того, как его составил Горбов. Акт Горбова мог быть лживым, но если подписи понятых на нем подлинные, то как этот акт мог оказаться поддельным? У Кузнецова концы с концами здесь явно не сходятся. Или он считает, что понятые подписывали сначала подлинный акт, а потом, через некоторое время, — поддельный? Но если кто-то решил изготовить поддельный акт, имитируя почерк Горбова, то легче было подделать и подписи понятых, чтобы не афишировать подделку. Если же предположить, что понятых заставили подписать поддельный акт, то почему нельзя было заставить самого Горбова написать нужный текст? В общем, подозрение Кузнецова о том, что акт милиционера Горбова кем-то подделан, плохо совместимо с признанием тем же Кузнецовым подписей понятых на том же акте в качестве подлинных.

Обратимся теперь к акту вскрытия тела Есенина. Его Кузнецов сравнивал с актом вскрытия другого висельника (Виктора Витенберга), также составленным Гиляревским (7 января 1926 г.). Кузнецов обнаружил, что форма акта вскрытия Витенберга существенно отличается от формы акта вскрытия Есенина. Первый составлен гораздо более подробно, с подразделами «наружный осмотр» и «внутренний осмотр» и с более детальным описанием результатов исследования. Эту форму Кузнецов счел «принятым тогда стандартом», объявив акт вскрытия Есенина «безграмотным сочинением», «полуграмотной бумажкой» и «фальшивкой».

В архиве Бюро судебно-медицинской экспертизы, где хранятся «Протоколы вскрытия мертвых тел», составленные А.Г. Гиляревским в 1926—1928 гг., было выявлено 40 актов вскрытия тел висельников. Этот материал дал гораздо более обширную базу для сравнения с актом вскрытия тела Есенина. В результате выяснилось, что Гиляревский использовал три разных формы составления актов: очень подробную (аналогичную акту вскрытия Витенберга), менее подробную (аналогичную акту вскрытия Есенина) и совсем краткую, буквально в 8—10 строк. Поэтому на основании одной только формы акта вскрытия мертвого тела нельзя утверждать, что акт составлялся не Гиляревским, и, соответственно, вывод, сделанный Кузнецовым, следует признать ошибочным⁵².

Приведем еще пару примеров произвольного обращения с фактами автора рецензируемых книг. Так, Кузнецов утверждает, что к работникам гостиницы принадлежали «сапожник Густав Ильвер, шофер Иван Яковлев, рабочий Андрей Богданов, сторож Дмитрий Тимошин, парикмахер Леонид Кубарев, портной Самуил Серман»⁵³. Однако списки служащих «Англетера» известны. На 25 ноября 1925 г.

51 Там же. С. 80, 81.

52 Приводя аргументы в пользу подлинности актов Горбова и Гиляревского, необходимо отметить, что подлинность самих актов еще не означает их правдивости. Вопрос о правдивости данных актов требует отдельного исследования и выходит за рамки настоящей статьи.

53 *Кузнецов В.* Тайна гибели Есенина. М., 1998. С. 11.

их число составляло 20 человек. Приведем список полностью⁵⁴: управляющий В.М. Назаров, счетовод В.И. Машевский, паспортист Н.Е. Гибберт, кастелянша М.В. Шмитц, уборщицы М.П. Петрова, З.А. Горюнова, П.Д. Дмитриева, Е.Н. Курашева, Е.А. Гаврилова, Е.Н. Романова, Л.Ф. Климова, В.В. Васильева, швейцары П.К. Оршман, Я.А. Слауцитайс, И.Г. Малышев, кочегары А.И. Пярн, И.Ф. Квитов, П.И. Чулков, дворник В.П. Спицын, И. Мухамеджанов. В другом списке служащих «Англетера», составленном 1 февраля 1926 г., из новых лиц появился только истопник К.А. Андреев⁵⁵. Как нетрудно заметить, ни одной фамилии из списка, приведенного Кузнецовым, среди них нет. Зачем исследователь зачислил этих жильцов «Англетера» в число сотрудников гостиницы, совершенно непонятно.

На следующей странице Кузнецов заявляет: «Сохранилась подробнейшая инвентаризационная опись (166 листов) гостиницы (15 марта 1926 г.). “Зайдем” в злощастный 5-й номер, и, хотя со дня печальной истории прошло более двух месяцев, больших перемен не произошло. Самое интересное: гипотеза о том, что “есенинская” комната была смежной с другим помещением, подтвердилась! В документе зафиксирован № 5/6. Оказывается, 5-й номер до 1917 г. использовался под аптеку, откуда “таинственная” дверь вела на склад (более 160 кв. м), где хранились лекарства. Имеются и соответствующие пометки: “Пустует со времен революции”; “Под жиле не годится”»⁵⁶. Кузнецов ссылается на инвентаризационную опись, хранящуюся ныне в ЦГА СПб. Но, к нашему удивлению, в этой описи не оказалось приводимой Кузнецовым информации. О номере 5/6 в ней вообще не упоминается. Зато данные сведения обнаружались в контрольно-финансовом списке от 14 октября 1926 г.⁵⁷ В этом же списке значатся: номер 2 — кладовая, со времен революции пустует; номер 1 — магазин, со времен революции пустует; номер 8 — магазин дорожных вещей, пустует со времен революции; номер 9 — магазин, пустует со времен революции; номер 10 — помещение под ресторан, пустует с 1 октября 1926; номер 11 — мастерская, занята с 1 октября 1926 г. Но самое главное, что около каждого из этих помещений, в том числе и номера 5/6, отмечено их местоположение: «1 этаж». Поэтажный план «Англетера» подтверждает, что на первом этаже находились смежные помещения номера 5/6, тогда как на втором этаже (бельэтаж), где проживал Есенин, номер 5 был смежным не с номером 6, а с номером 4.

Как видим, если Кузнецов спокойно совмещает в одном персонаже биографические данные нескольких человек, то ничто не мешает ему произвольно перемещать с этажа на этаж гостиничные помещения. В отличие от историка, он не реконструирует прошлое, а формирует его по собственному произволу.

В итоге приходится сделать печальный вывод: допущенные В.И. Кузнецовым ошибки в интерпретации документов и путаница в биографиях различных лиц, вопреки намерениям исследователя, не доказывают, а, напротив, полностью дискредитируют его версию событий, связанных со смертью Есенина.

Фактически Кузнецов написал «альтернативную историю» убийства Есенина, замаскировав ее документальным материалом под «историческое расследование». Относиться к его книгам можно только как к курьезной работе, не имеющей научного значения. При этом следует отметить, что ошибки Кузнецова не умаляют значение работ других авторов, которые пишут о насильственной смерти Есенина, не прибегая к описанным выше приемам.

54 Список служащих «Англетера» на 25 ноября 1925 г. // ЦГА СПб. Ф. 3185. Оп. 1. Д. 2117. Л. 124 об.

55 Список служащих «Англетера» на 1 февраля 1926 г. // Там же. Л. 275 об.

56 *Кузнецов В.* Тайна гибели Есенина. С. 12.

57 ЦГА СПб. Ф. Р-1963. Оп. 180. Д. 3049. Л. 63 об. — 64.